
Наталья Александрова

Батумскій связной

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург
2022

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6
А46

*В оформлении обложки использованы материалы
по лицензии агентства Shutterstock, Inc.*

Александрова Н.

А46 Батумский связной : [роман] / Наталья Александрова. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» ; «Пальмира», 2022. — 366 с. — (Серия «Ретродетектив»).

ISBN 978-5-517-07325-9

В романе «Батумский связной» Борис Ордынцев, в прошлом студент Петербургского университета, в поисках сестры Вари попадает в Крым, занятый белогвардейцами. Обвиненный в убийстве, которого он не совершал, Борис вынужден провести собственное расследование, но его единственная зацепка — карточка с адресом сомнительной кофейни «Париж», найденная под кроватью убитого. В пламени Гражданской войны ему придется столкнуться и с белыми, и с красными, и с зелеными, и с греческими контрабандистами, и с турецкими шпионами, и с грузинскими абреками, и с татарскими боевиками.

**УДК 82-312.4
ББК 84(2РосРус)6**

ISBN 978-5-517-07325-9

© Александрова Н., 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Глава первая

Уместно ль песнью звать содом,
Усвоенный с трудом
Землей, бросавшейся от книг
На пики и на штык.

Б. Пастернак. Высокая болезнь

Борису снилось, будто дикие негры собираются изжарить его на костре и бьют в свои огромные барабаны. Этот ужасный грохот переполнял его сон, гудел жуткой болью в голове, и наконец от боли этой Борис проснулся. Однако ни грохот, ни боль не прекратились.

Борис лежал в одежде и ботинках поперек жесткой гостиничной койки, а в дверь его номера стучали какие-то люди. Голова болела невыносимо. Смутно вспоминался вчерашний вечер, невзрачный назойливый человек в неуместной черкеске... кажется, они играли... кажется, пили... Для Бориса это было странно — он никогда не играл, да и пил мало... но уж больно назойливым был вчерашний господин... И нахлынула вчера вечером жуткая тоска, так что он даже рад был случайной компании... Но пили-то ведь немного, отчего же голова так раскалывается?..

Борис с тяжелым стенанием поднялся с койки, повернулся к дверям. Господи помилуй, ну что же они так стучат? Да и рань-то какая. Еще даже не рассвело!

— Откройте сию минуту! — надрывался за дверью командный дребезжащий голос. — Открывайте, не то выломаем дверь! Антонов, ломай!

Борис прошел к двери, мутным тоскливым взглядом окидывая бедную и уродливую гостиничную комнату. Железная скрипучая кровать, кривой умывальник в углу с треснутым фаянсовым тазом, хозяйская гордость — кресло с высокой резной спинкой... В кресле сидел кто-то, плохо различимый в предрассветной полутьме, — неужто вчерашний назойливый господин?

Борис откинул щеколду, и в комнату, сразу сделав ее тесной, ввалились какие-то разгоряченные и злые — видно, от раннего времени — люди: парусиновый, полотняный, с хитрыми маленькими глазками лакей — вчера Борис видел его и немалые деньги на чай дал, — двое бородатых заспанных солдат и офицер, штабс-капитан с бледным, горячечным лицом и воспаленными красноватыми глазами. Сзади жался хозяин — маленький, плешивый, полуодетый. Вытащили его рано из теплой постели, и пошел он, только чтобы скандал на корню притушить. Завязки кальсон нахально выглядывали из-под края штанин, а в глазах светился давнишний, еще в семнадцатом году зажегшийся испуг.

— Что вам угодно, господа? — растерянно спросил Борис, обступленный и зажатый пришедшими.

— Что нам угодно? — с горячим ехидным возмущением переспросил офицер.

Он высоко поднял керосиновую лампу и осветил человека в кресле. Это был вчерашний назойливый господин в неопрятной грязно-белой черкеске, залитой чем-то темным. Голова его была

странно запрокинута, редкая козлиная бороденка вздымалась кверху, и под этой бороденкой темнела роговая рукоять кинжала.

Керосиновая лампа пыхнула неожиданно ярким светом, и Борис разглядел, как при вспышке молнии, лицо этого господина — удивленное и как бы заспанное, а также бурые пятна крови на черкеске. Кинжалом, по рукоять воткнутым в горло, господин был приколот к спинке кресла, как дикий жук в коллекции энтомолога.

В детстве — в той, прежней, жизни, задолго до всех этих белых, красных, зеленых, — Борис заходил в кабинет к отцу, тот сажал его к себе на колени — колкая щека, запах хорошего одеколона и дорогого табака — и показывал ему плоские прозрачные ящички, в которых удивленные и заспанные жуки сидели на булавках...

— Что нам угодно? — яростно повторил штабс-капитан. — Нам угодно, милостивый государь, чтобы вы рассказали, как и почему убили этого господина!

Борис растерянно огляделся.

— Я его не убивал, даю вам слово!

— Ваше слово недорого стоит! — презрительно оборвал его штабс-капитан. — Сами посудите: мы застаем вас возле трупа, комната ваша была заперта изнутри на засов. Орудие убийства налицо. Чего еще?

— Подумайте сами, господин штабс-капитан, — безнадежным голосом проговорил Борис, — ну неужто бы я остался ночевать подле трупа, если бы сам этого господина убил? И потом, что за корысть мне его убивать?

Зрачки офицера расширились, отчего глаза его яростно потемнели. Злым свистящим шепотом, склонившись к Борису, он прошипел:

— Это уж мы с вами знаем, какая у вас была корысть! — И, видя, что Борис недоуменно заморгал глазами, и еще больше разозлившись, добавил: — На допросе вы мне расскажете все! В подробностях! — И, тут же распрямившись, будто пружина, возвысил голос и скомандовал: — Сидорчук! Протокол задержания!

В комнату прошмыгнул плюгавый молодой человек в довоенном лоснящемся костюме с гимназическими чахлыми усиками и картонною папкой под мышкой. Пристроившись бочком на гостиничной койке и развернув папку, изготовился писать.

— Мною, контрразведки Добровольческой армии* капитаном Карновичем, произведено задержание, — напевно продиктовал офицер привычную фразу, доставляющую ему, по всей видимости, немалое удовольствие, а дальше задумался и продолжил без прежнего радостного напева, деловой сбивчивой скороговоркой:

— Задержание подозреваемого в убийстве, именующего себя... — Он поднял глаза на Бориса, выжидательно кашлянув.

Борис возмущенно дернулся и проговорил:

* Основная ударная сила Белого движения на юге России в 1918–1920 гг. Формировалась со 2 ноября 1917 года в Новочеркасске генералом М. В. Алексеевым на принципе добровольности из бежавших на Дон офицеров, юнкеров, кадетов старших классов, студентов, гимназистов и др.

— Никого я не убивал. Зовут меня Ордынцев Борис Андреевич, я из Петербурга... то есть из Петрограда, не привыкну никак... юридического факультета бывший студент...

— Именующего себя Борисом Ордынцевым, — продолжил диктовать штабс-капитан, — задержанный с поличным, возле труп неизвестного... неизвестного господина, личность которого устанавливается... убитого оным Ордынцевым путем пронзенія кинжалом.

Сидорчук поднял было глаза на офицера — видимо, его грамотную писарскую душу не устроило «пронзение кинжалом», но после смирился и продолжил писать:

— Свидетелями чего являются господин Кастелаки, хозяин гостиницы «Париж», и лакей оной гостиницы Просвирин, коего лакея своевременный донос послужил к данному задержанию...

Грамотный Сидорчук недовольно поморщился, но ничего не сказал и продолжал писать далее:

— Чьи собственноручные подписи к данному протоколу прилагаются. Август, четвертого числа 1919 года, Феодосия. И подпись — штабс-капитан Карнович.

Запуганный хозяин написал на листе: «Кастелаки», лакей Просвирин, гаденько ухмыляясь, поставил рядом жирный крупный крест.

— Ну-с, — расправил плечи офицер, — не будем больше утомлять господина Кастелаки своим присутствием. Вещи можете с собой взять, — милостиво добавил он.

Борис наклонился, собирая разбросанные по полу вещи. Вообще в номере был жуткий беспорядок, как будто что-то искали.

Писарь в это время, прочитав протокол, шептал что-то на ухо штабс-капитану. Тот встрепетнулся и приказал:

— Антонов! Обыскать задержанного!

Борис кусал губы от брезгливости, когда грубые руки шарили по телу. Антонов нашел паспорт, немного денег и золотой медальон с порванной цепочкой, где была фотография Вари. Офицер повертел в руках медальон и бросил Борису. От неожиданности Борис схватил рукой воздух, и медальон покатился под кровать. Борис наклонился, преодолевая головокружение. Под кроватью в пыли лежали медальон и белый кусочек картона, что-то вроде визитной карточки. Борис автоматически поднял их и сунул в карман.

Большие бородатые солдаты встали по сторонам Бориса и подтолкнули к выходу. Борис пошел в полной растерянности. Дикое обвинение в убийстве казалось ему несуразным, оно сейчас же должно рассеяться как дым.

Одноэтажное розовое здание контрразведки стыдливо пряталось в саду неподалеку от торговой Итальянской улицы. Бориса провели в пустую чистую комнату с одиноким столом в углу. Один из солдат вытянулся возле дверей, второй ушел куда-то. Штабс-капитан картинно потянулся, хрустнув суставами, и неожиданно заорал истеричным базарным голосом:

— Шпион! Сволочь турецкая!

Борис вздрогнул больше от неожиданности, чем от испуга, и посмотрел на офицера как на сумасшедшего. Тот, однако, коротким шагом стремительно приблизился к Борису и резко ударил в жи-